

Хелена Павлинцова

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Описываются три попытки созвать славянский философский съезд. Первая из них была инициирована В. Дворниковичем, философом из Загреба, опубликовавшем в 1923 г. в газете «Прагер пресс» статью, в которой он призвал славян увенчать обретение государственной и национальной независимости (1918) духовной эмансипацией, для чего и нужно было провести в Праге конгресс славянских философов. Место проведения съезда было выбрано ввиду центрального положения Праги между северными и южными славянами, а также благодаря деятельности Т. Г. Масарика, «дойена славянских социологов и философов». Сначала славянские философы благосклонно отнеслись к идее съезда, однако впоследствии мнения разделились и конгресс проведен не был. Вторая попытка созыва съезда славянских философов в Праге была предпринята после V международного философского конгресса (Неаполь, 1924): славянские философы избрали подготовительный комитет (В. М. Козловски, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, В. Дворникович, Б. Петрониевич, К. Воровка) конгресса, однако из-за отсутствия поддержки со стороны «Чешской мысли» съезд не состоялся. Третья попытка была связана с работой II польского философского конгресса (Варшава, 1927), но и она не привела к успеху из-за критики со стороны Ф. Крейчи и Э. Радла. Несмотря на то, что конгресс так и не удалось провести, интерес к славянской философии оставался довольно большим как в Чехословакии, так и во всем мире.

Ключевые слова: славянский философский конгресс, славянская взаимность, славянская философия, русская межвоенная эмиграция философов, Т. Г. Масарик, В. Дворникович, К. Воровка.

The paper depicts three attempts to convene the Slavonic philosophical congress. The first of them was initiated by V. Dvorniković, a philosopher from Zagreb, in his article published in 1923 in the *Prager Presse* daily. In this article, he appealed to Slavs to crown the achievement of state and national independence (1918) with spiritual emancipation. He proposed holding a meeting of Slavonic philosophers in Prague, which has a central position between northern and southern Slavs, organised philosophical life and the personality of T. G. Masaryk, the “doyen of Slavonic sociologists and philosophers”. At first Slavonic philosophers welcomed the idea; however, the originally unanimous opinion of Czech philosophers started to fragment, and the intention was not carried out. The second attempt to convene the congress in Prague was made after the 5th international philosophical congress (Naples, 1924). There, Slavonic philosophers elected a preparatory committee (W. M. Kozłowski, N. O. Loskij, S. L. Frank, V. Dvorniković, B. Petronijević, K. Vorovka), but the congress was not held because of the lack of interest of the *Česká mysl* (Czech Mind). The third attempt rose from the 2nd Polish philosophical congress (Warsaw, 1927), but the effort fell flat this time as well due to critical objections of the main representatives of philosophical life in Prague (F. Krejčí, E. Rádl). Even though they failed to hold the congress in the 1920s, the idea did not come to an end and the interest in philosophy of Slavonic nations continued in Czechoslovakia as well as in the world.

Keywords: Slavonic philosophical congress, Slavonic mutuality, Slavonic philosophy, Russian interwar emigration of philosophers, T. G. Masaryk, V. Dvorniković, K. Vorovka.

Впервые идея созыва съезда славянских философов прозвучала в апреле 1911 г. в Болонье, во время IV международного философского конгресса. На нем по инициативе польского философа Винсента Лютославского (1863–1954) собралась группа из 24 славянских философов (чехов, поляков, русских, болгар и хорватов), которые намеревались организовать в Праге, по возможности еще в 1912 г., философский славянский конгресс. Был даже назначен подготовительный комитет, задачами которого являлись пропаганда идеи съезда и работа над ее осуществлением, и была составлена предварительная программа, включающая вводный доклад Т. Г. Масарика «Проблема славянской философии». Этот конгресс так и не был проведен – по всей видимости, негативную роль сыграли Балканские войны 1912–1913 гг. и последующая Первая мировая война, однако славянские философы не оставили мысли о конгрессе [15, с. 220–223; 2, с. 121–125].

В мае 1923 г. в ежедневной газете «Prager Presse» вышла статья загребского философа Владимира Дворниковича (1888–1956) «Ideen zu einem slawischen philosophischen Kongress in Prag», а в скором времени в философском журнале «Чешская мысль» – ее чешская версия «Идея и концепт славянского философского конгресса в Праге» [1, с. 143; 10, 229–232]. В этой статье В. Дворникович обозначил конгресс как культурную потребность всех славянских народов: славяне, прозябавшие до 1918 г. в чужих государственных образованиях, после приобретения государственной и национальной независимости должны были эмансипироваться и духовно. В этом процессе философия могла бы послужить синтезирующим фактором, углубляя славянскую идеологию и определяя ее путь в будущее. Но для этого было необходимо, чтобы славянские философы встретились, познакомились друг с другом и сблизились. Абсолютно неудовлетворительным и парадоксальным он назвал тот факт, что славяне о своей философии узнают из немецкого пособия Фридриха Ибервега и Макса Гейнце «Grundriss der Geschichte der Philosophie» («Очерк истории философии»). Также он назвал три причины, по которым Прага была наиболее подходящим местом для встречи славянских философов: центральная позиция между северными и южными славянами, организованная философская жизнь и тот факт, что в этом городе проживает Т. Г. Масарик, патриарх славянских социологов и философов. В связи с этим он адресовал свой призыв представителям философского сообщества в Праге с надеждой, что в обозримом будущем это намерение удастся осуществить.

Т. Г. Масарик, в то время уже являвшийся президентом Чехословацкой Республики, был упомянут В. Дворниковичем не только из уважения: благодаря своей политической активности (на-

пример, ангажированности в Загребском процессе) и литературной деятельности он еще перед войной прославился как активный приверженец славянской взаимности. В этом контексте Т. Г. Масарик интересовался творчеством русского славянофила И. В. Киреевского, о взглядах которого он уже в 1887 г. писал и читал лекции¹, а также художественными произведениями Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В 1913 г. на немецком языке вышло двухтомное сочинение Т. Г. Масарика «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России», демонстрирующее глубокие познания автора в русской философии истории и религии. Известно, что Т. Г. Масарик интересовался Россией теоретически и практически, несколько раз посетил Россию, глубоко задумывался над ее прошлым, настоящим и будущим, имел близкую связь с ней и со славянской проблематикой вообще [5, с. 27–45]. В феврале 1916 г. в Институте славянских исследований Парижского университета он прочел публичную лекцию «Мир и славяне» [12, с. 195–207], опубликованную в дальнейшем на французском, английском и чешском языках. Рассмотрим несколько тезисов этой лекции, позволяющих понять, почему В. Дворникович, а за ним и другие популяризаторы идеи славянства отводили Т. Г. Масарику в этом деле ключевую роль.

Т. Г. Масарик в своей лекции ставил акцент на культурно-цивилизационном единстве славян: хотя каждая славянская нация (он упомянул русских, поляков, болгар, сербов и чехословаков)² обладает своим собственным языком, национальной литературой, независимой историей и своеобразной культурой, у них есть общее осознание своей принадлежности к одному и тому же славянскому организму. Начало славянского пробуждения, проявившееся в расцвете литературы и осознанном стремлении к культурному возрождению и политической независимости, Т. Г. Масарик, как и некоторые историки, относил к периоду Великой французской революции. Именно тогда идеологи славянства поняли, что возрождение национальной культуры и ее развитие невозможны без политического освобождения и обретения национальной независимости, а также то, что для достижения этих целей необходимо обратиться за помощью к родственным народам. Так появились идеи славянской взаимности и славянского мессианизма.

---

¹ В 1888–1889 гг. в журнале «Атенеум» Т. Г. Масарик публиковал несколько статей об И. В. Киреевском, которые были объединены им в монографии «Славянские исследования. Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского» (1889).

² Объединение чехов и словаков в самостоятельное государство было утверждено только Питтсбургским соглашением 30 мая 1918 г.

Западные политики, однако, воспринимали панславизм как панрусизм, нечто вроде «огромной славянской монархии под управлением России», несмотря на то, что это никогда не входило в программы славян. «Мы всегда хотели и хотим федерацию моральную, идеальную, в которой каждый член свободно разовьет свои собственные способности на пользу цивилизации в общем, – заявлял Т. Г. Масарик. – Поэтому мы хотим свободы и политической независимости. Поэтому мы ищем опору в России, самом большом и самом могущественном славянском народе. Но сейчас мы ищем эту помощь и от союзников. Малые славянские нации переживают в данный момент тяжелый кризис, оправдывающий наши попытки опереться не только исключительно на русских, но также на французов и англичан... В данной форме дружеской и свободной связи можно координировать различия в наших культурах и национальных характерах так, чтобы славянский мир, будучи одним целым, мог использовать свои силы, рассеянные сейчас по множеству разных наций» [12, с. 199]. Т. Г. Масарик отказывался от панславянского централизма как по причине географического расположения славянских народов, так и по причине их исторического развития. Он отмечал, что представители славянских наций центральной Европы (Йозеф Добровский, Ян Коллар, Франтишек Палацкий, Доситей Обрадович, Адам Мицкевич, Зигмунд Красинский) не поддерживали «государственно-политическое единство, которым бы управляла Российская Империя» [5, с. 28], и подчеркивали «идею гуманистическую, на основе которой они приходят к национальной идее как основной части естественного наследия человечества; все понимают национальность демократически, все жаждут цивилизации». В то же время, идеологи славянства настаивали на необходимости осознанного усвоения лучших достижений культуры Западной Европы, в частности науки. Т. Г. Масарик, хотя и подчеркивал эмоциональное значение славянской взаимности, однако видел в ней «ступень к взаимности более широкой и самой широкой» и так же, как и Я. Коллар, «провозглашал наряду со славянской взаимностью и взаимность с неславянскими народами» [19, с. 213].

Во времена своего президентства Т. Г. Масарик активно способствовал реализации идеи славянской взаимности на практике. Он помогал русским интеллектуалам, которые после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировали не только в Чехословакию, но и в другие страны (например, И. А. Бунину и Д. С. Мережковскому, проживавшими во Франции). Чехословацкое правительство по указанию президента выделяло на поддержку русской диаспоры значительные денежные суммы, и в конце 1921 г. появилась т. н. «Русская акция помощи», опиравшаяся на «идеи гуманистиче-

ские, славянские, политические и экономические» и обеспечивавшая беженцам из России достойные условия для жизни, обучения, научной и педагогической деятельности в средних школах и вузах, в том числе в Карловом университете, Украинском свободном университете и Славянском институте. Создавались школы, культурные и научные учреждения, общества и другие организации.

Новую родину и возможность применить свои профессиональные качества нашла в Чехословакии и многочисленная группа российских философов, которые в 1922 г. на т. н. «философском пароходе» [20] были вывезены из России как нежелательные для советского режима личности. Среди них были профессора Санкт-Петербургского университета Н. О. Лосский и И. И. Лапшин (ученики А. И. Введенского, основатели Петербургской школы неокантианства), С. И. Гессен и Б. В. Яковенко. На некоторое время прибежище здесь себе также нашли философ С. Л. Франк, социолог П. А. Сорокин, теолог и философ Г. В. Флоровский и др. [13, с. 126–136]. Многие из их публиковали тут свои крупные работы, читали лекции во вновь открытом Русском народном университете, организовывали специальные лекции в учрежденном Русском философском обществе (1925 г.) и активно принимали участие в общественной и научной жизни. Для работы они могли пользоваться фондами Славянской библиотеки (крупнейшего собрания российских научных трудов вне России, основанное министерством иностранных дел осенью 1924 г.). Они пользовались уважением и вызывали интерес прежде всего у чешского молодого поколения философов, и спустя некоторое время, после установления личных контактов, с 1922 г. в журнале «*Ruch filosofický*» стали регулярно печататься их работы¹. Благодаря всей этой разносторонней деятельности Прага в 20-е гг. XX в. стала одним из главных культурных и научных центров русской интеллектуальной жизни, который называли «русским Оксфордом» или «русскими Афинами».

---

¹ Здесь были опубликованы статьи С. И. Гессена («Новейшая русская философия», «Монизм и плюрализм в систематике понятий» и др.), И. И. Лапшина («Опровержение солипсизма», «Тургенев как мыслитель», «О границах одушевленности в природе»), Н. О. Лосского («Интуитивизм как основа идеал-реализма» и еще 6 статей), Г. В. Флоровского («Религиозный опыт и философское вероисповедание», «Введение в историю русской философии», «Русский вопрос»), С. Л. Франка («Проблема реальности», «Религиозный характер русского мышления»), Б. В. Яковенко (в 30-е гг. он публиковал прежде всего статьи по истории русской философии). В «*Ruch filosofický*» в 20–30-е гг. публиковались и другие славянские философы (Д. И. Чижевский, В. М. Козловский, Т. Котарбинский, В. Татаркевич, Й. Лецинский, Б. Гавецкий, В. Дворникович, Б. Петрониевич).

Призыв В. Дворниковича к организации славянского философского конгресса был принят славянскими философами положительно, о чем свидетельствуют отклики в «Prager Presse» и в философских журналах многих славянских стран. Инициативу В. Дворниковича поддержал также Н. О. Лосский; в своей статье он подчеркнул, что духовная сопричастность славян проявляется и в философском творчестве. Славянская душа, писал он, «открывается всем духовным течениям культурного мира и реагирует на них; потому народам Старого Света кажется, что философская работа славян заключается в осваивании результатов западноевропейского духа». Согласно Н. О. Лосскому, на Западе недостаточно ценится и даже не учитывается вклад славян, который они вносят в развитие философии. В этом частично виноваты и сами славяне, в первую очередь потому, что они не знают друг друга. «Если мы должны стать влиятельным членом мировой философской культуры, для собственной пользы и для пользы целого мира, мы должны сами за это взяться и позаботиться об этом. Одним из средств, которые могут вести нас к цели, являются философские конгрессы». Н. О. Лосский считал необходимым, чтобы и русские философы (как те, кто эмигрировал из России, так и те, кто остался работать на родине) приняли участие в конгрессе, потому что в Праге должны были собраться представители «всего славянского мира» [10, с. 232].

Реакция чешских философов, разделенных в то время на позитивистов, связанных с «Чешской мыслью» (представленной Франтишеком Крейчи), и идеалистов, объединенных вокруг журнала «Ruch filosofický» (редактируемого Фердинандом Пеликаном и Карелом Воровкой), сначала была на редкость общей. «Чешская мысль» считала тему конгресса актуальной и призывала философское сообщество к дискуссии. Подобным образом повел себя и «Ruch filosofický», в котором наиболее ревностным сторонником конгресса стал философ точных наук К. Воровка (1879–1929). Он отметил мысль В. Дворниковича о синтезирующей роли философии, добывающейся, несмотря на все экономические и политические различия, реализации славянской культурной общности [9, с. 126; 18, с. 206–208]. Встречу славянских философов на специальном конгрессе он назвал «наиболее желательной». Чехи, согласно К. Воровке, хорошо ориентируются в немецкой, английской и итальянской философии, но, за исключением Т. Г. Масарика, почти ничего не знают о славянских философях. Поэтому К. Воровка считал главнейшими задачами конгресса взаимное знакомство и решение общих социологических, этических и эстетических проблем, включая психологию национальности и расы, а также стимуляцию систематического интереса к философскому

творчеству славянских народов. Было бы достаточно, таким образом, избрать подготовительный комитет, определить время проведения конгресса, и «сотрудничество народов в культурной работе», «пресвятое» дело, согласно К. Воровке, могло бы начаться.

В последующие месяцы в чешских философских кругах проходили интенсивные кулуарные обсуждения, и до сих пор единое мнение о конгрессе начало дробиться. Зазвучали голоса о том, что конгресс не должен ограничиваться только участием славян и обсуждаться должна не только их нынешняя философия, что конгресс должен обратиться в том числе и к философам неславянским, которые смогли бы говорить «о значении и задачах, которыми философия должна обладать в славянских странах». Таким образом, это бы был славянский конгресс с активным участием западных философов [11, с. 126].

В мае 1924 г., через год после призыва В. Дворниковича, в Неаполе прошел Пятый международный философский конгресс, на котором были широко представлены славянские философы. На своем общем собрании они избрали подготовительный комитет, члены которого должны были привлекать к идее скорого созыва конгресса славянских философов новых сторонников в своих странах. Эта непростая задача была возложена на плечи К. Воровки, польского философа Владислава-Мечислава Козловского, живущего в Праге Н. О. Лосского, работающего в Берлинском университете С. Л. Франка, загребского философа В. Дворниковича и сербского философа и ученого Бранислава Петрониевича¹. Никто из них не считал эти полномочия формальными. Они сошлись во мнении, что славянский конгресс является необходимостью, ибо ни на каком международном конгрессе славянская философия не сможет развиваться во всем своем богатстве и многообразии [8]. В пользу скорейшей организации конгресса в Праге, по мнению К. Воровки, говорило хотя бы уже то обстоятельство, что во главе государства стоял философ, «патриарх славянских философов». При этом он обращал внимание на то, что другие славянские страны не имеют такой возможности и что отсутствие интереса со стороны Праги поставит под угрозу весь проект [6, с. 31–32].

Однако к тому времени, по-видимому, уже все было предрешиено. Позитивистская «Чешская мысль» отступила от этого намерения, обосновав свою позицию тем, что для созыва съезда сейчас неподходящее время и что даже в случае созыва подобного съезда чехи не должны играть в нем ведущую роль [14, с. 256]. Тем не менее, надежда на организацию конгресса у его сторонни-

---

¹ Об усердии славянских философов в деле организации славянского философского конгресса в 1920-е гг. см.: 2, с. 130–146; 16, с. 213–222.

ков не угасала. В сентябре 1927 г. в Варшаве при большом участии славянских гостей проходил Второй польский философский конгресс¹, о котором пресса, преувеличивая, писала как о всеславянском съезде. Самой многочисленной была делегация русских и украинских эмигрантов: из Парижа (Н. А. Бердяев), из Берлина (С. Л. Франк, И. Мирчук), из Праги (С. И. Гессен, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, Д. И. Чижевский). Из Белграда приехал В. Петрониевич, из Загреба – Р. Буяс, из Чехословакии вместе с К. Воровкой принял участие в конгрессе Ф. Пеликан [4, с. 37–54]. В Варшаве не были ни приняты, ни предложены какие-либо резолюции, касающиеся конгресса славянских философов в Праге. Все присутствующие, однако, повторно проявили большой интерес к нему и снова поручили К. Воровке реализацию этой идеи [7, с. 59–61]. Но усилия К. Воровки и на этот раз оказались напрасными по причине отсутствия интереса к организации конгресса со стороны главных представителей пражской философской жизни (Ф. Крейчи, Э. Радла). В полемической статье, опубликованной на страницах «Философии», К. Воровка в последний раз описал свои идеи, надежды и разочарования: «Я представлял себе определенный симпозиум, который бы в своем единстве не только предоставлял достаточную картину философского мышления славянских народов, но и в то же время был бы ценным трудом, энциклопедически повествующем о философии» [7, с. 61].

Чем же можно объяснить отсутствие интереса к конгрессу славянских философов среди некоторых видных представителей чешской философии? Несколькими годами позже Э. Радл на VIII международном философском конгрессе в Праге (1934), среди организаторов которого были Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, С. И. Гессен и Б. В. Яковенко, сказал: «Съезды являются необходимым элементом современной общественной жизни, результатом растущего чувства организованности, сотрудничества и общественной дискуссии. Тот, кто недооценивает международные научные съезды, не понимает общественности научной работы» [17, с. 73]. Можно предположить, что Э. Радл в 30-е гг. изменил свое мнение относительно актуальности и необходимости организации славянского конгресса. В данной политической ситуации он, однако, отдал предпочтение философскому конгрессу, организованному по образцу международных философских конгрессов, то есть без национального разделения участников. Будучи председателем VIII международного философского собрания, он ожидал, что все участники в ходе его единогласно выступят в поддержку демократии

---

¹ Об отношении К. Воровки к польским философам пишет Ч. Гломбик [3, с. 26–38].

и мира во всем мире, которые представлялись ему находящимися под угрозой в связи с политической ситуацией в Германии.

Хотя в 20-е гг. не удалось осуществить организацию конгресса славянских философов, интерес к философии славянских народов как в Чехословакии, так и во всем мире продолжал расти.

Литература

1. *Dvorniković V.* Ideen zu einem slawischen philosophischen Kongress in Prag // Prager Presse. III. 27.05.1923.
2. *GŁombik Cz.* Impulsy i zbliżenia. Siedem szkiców z dziejów czesko-polskich kontaktów filozoficznych. Katowice: Śląsk, 1996.
3. *GŁombik Cz.* Karel Vorovka unter polnischen Philosophen // Vita philosophica / Stockhausen A.V., Guz T. (eds.). Weilheim-Bierbronn, 2001.
4. *Jadczyk R.* Drugi Polski Zjazd Filozoficzny – Warszawa 1927 // Polskie zjazdy filozoficzne / Jadczyk R. (ed.). Toruń, 1995.
5. *Влчек P.* Масарик и чешское русофильство // Т. Г. Масарик и славяне / Ред.: В. Доубек, Л. Гладки, P. Влчек. Прага: Институт истории АН ЧР, 2013.
6. *Воровка K.* Всеславянский философский конгресс // Ruch filozofický. 1925. V, № 1.
7. *Воровка K.* Второй конгресс польских философов // Философия. 1927–1928. I, № 2.
8. *Воровка K.* Конгресс славянских философов в Праге // Národní listy. 28.05.1924.
9. *Воровка K.* Славянский философский конгресс в Праге // Ruch filozofický. 1923. III, № 4.
10. *Дворникович В.* Идея и концепт славянского философского конгресса в Праге // Чешская мысль. 1923. XIX, № 4.
11. К славянскому философскому съезду // Чешская мысль. 1924. XX, № 2.
12. *Масарик Т.Г.* Мир и славяне // Масарик Т.Г. Сочинения. Т. 30: Война и революция I. Статьи – меморандумы – лекции – интервью 1914–1916. Прага: Масариков институт АН ЧР, 2005.
13. *Мах Й.* Российские философы в межвоенной Чехословакии // SPFFBU – Studia philosophica. 2004. Вып. 51.
14. О съезде славянских философов // Чешская мысль. 1925. XXI, № 4.
15. *Пеликан Ф.* IV международный философский конгресс в Болонье // Чешская мысль. 1911. XII, № 2.
16. *Пеликан Ф.* Пятый международный философский конгресс в Неаполе // Ruch filozofický. 1924. IV, № 6–7.
17. *Радл Э.* Что нам обещает философия? // Чешская мысль. 1934. XXX, № 2–3.
18. Философские конгрессы: Славянский в Праге и международный в Неаполе // Ruch filozofický. 1923. III, № 5–6.
19. *Чапек К.* Беседы с Т. Г. Масариком. Прага: Масариков институт, 2013.
20. *Чемберлен Л.* Философский паролод. Ленин и изгнанная интеллигенция. Прага: Mladá fronta, 2010.

Pavlintsova, Helena. *The idea of the Slavic philosophical congress in the twenties of the 20th century*

References

1. Dvorniković, V. Ideen zu einem slawischen philosophischen Kongress in Prag [Ideas for a Slavic philosophical Congress in Prague], in *Prager Presse* [Prague Press], III, 27.05.1923.
2. Głombik, Cz. *Impulsy i zblżenia. Siedem szkiców z dziejów czesko-polskich kontaktów filozoficznych* [Impulsions and confrontations. Seven essays on the history of Czech-Polish philosophical contacts]. Katowice: Śląsk, 1996.
3. Głombik, Cz. Karel Vorovka unter polnischen Philosophen [Karel Vorovka among Polish philosophers], in *Vita philosophica*, Stockhausen A.V., Guz T. (eds.), Weilheim-Bierbronn, 2001.
4. Jadczyk, R. Drugi Polski Zjazd Filozoficzny – Warszawa 1927 [The second Polish philosophical congress – Warsaw 1927], in *Polskie zjazdy filozoficzne* [Polish philosophical congresses], Jadczyk R. (ed), Toruń, 1995.
5. Vlček, R. Masarik i cheshskoye rusofil'stvo [Masaryk and Czech Russophilia], in *T. G. Masarik i slavyane* [T. G. Masaryk and the Slavs], V. Doubek, L. Gladki, R. Vlček (eds.), Prague: Institute of History of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2013.
6. Vorovka, K. Vseslavyanskiy filosofskiy kongress [All-Slavic Philosophical Congress], in *Ruch filosofický* [Philosophical movement], V, 1925, No. 1.
7. Vorovka, K. Vtoroy kongress pol'skikh filosofov [The second congress of Polish philosophers], in *Filosofiya* [Philosophy], 1927–1928, I, No. 2.
8. Vorovka, K. Kongress slavyanskikh filosofov v Prage [The Congress of Slavic philosophers in Prague], in *Národní listy* [National paper], 28.05.1924.
9. Vorovka, K. Slavyanskiy filosofskiy kongress v Prage [Slavonic Philosophical Congress in Prague], in *Ruch filosofický* [Philosophical movement], III, 1923, No. 4.
10. Dvornikovich, V. Ideya i kontsept slavyanskogo filosofskogo kongressa v Prage [The idea and concept of the Slavic philosophical congress in Prague], in *Cheshskaya mysl'* [Czech thought], XIX, 1923, No. 4.
11. K slavyanskomu filosofskomu s"yezdu [To the Slavic philosophical congress], in *Cheshskaya mysl'* [Czech thought], XX, 1924, No. 2.
12. Masaryk, T.G. Mir i slavyane [The World and the Slavs], in Masaryk, T.G. *Works*, vol. 30: War and Revolution I. Articles – memoranda – lectures – interviews 1914–1916, Prague: Masaryk Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2005.
13. Makh, Y. Rossiyskiye filosofy v mezhyvennoy Chekhoslovakii [Russian philosophers in the inter-war Czechoslovakia], in *SPFFBU – Studia philosophica*, 2004, No. 51.
14. O s"yezde slavyanskikh filosofov [On the congress of Slavic philosophers], in *Cheshskaya mysl'* [Czech thought], XXI, 1925, No. 4.
15. Pelikan, F. IV mezhdunarodnyy filosofskiy kongress v Bolon'ye [IV international philosophical congress in Bologna], in *Cheshskaya mysl'* [Czech thought], XII, 1911, No. 2.

16. Pelikan, F. Pyatyy mezhdunarodniy filosofskiy kongress v Neapole [The Fifth international philosophical congress in Naples], in *Ruch filosofický* [Philosophical movement], IV, 1924, No. 6–7.
17. Radl, E. Chto nam obeshchayet filosofiya? [What does philosophy promise us?], in *Cheshskaya mysl'* [Czech thought], XXX, 1934, No. 2–3.
18. Filosofskiye kongressy: Slavyanskiy v Prage i mezhdunarodnyy v Neapole [Philosophical congresses: Slavic in Prague and international in Naples], in *Ruch filosofický* [Philosophical movement], III, 1923, No. 5–6.
19. Chapek, K. *Besedy s T. G. Masarikom* [Conversations with T. G. Masaryk], Prague: Masaryk Institute, 2013.
20. Chemberlen, L. *Filosofskiy parokhod. Lenin i izgnannaya intelligentsiya* [Philosophical steamer. Lenin and the exiled intelligentsia], Prague: Mladá fronta, 2010.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.8>